

БЛАГОСОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА И РЕПРЕССИВНОСТЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ**О.Н. Бибик***Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия***Информация о статье**

Дата поступления –

15 апреля 2019 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2019 г.

Дата онлайн-размещения –

12 сентября 2019 г.

Ключевые слова

Уголовное наказание, социальный обмен, благосостояние общества, время жизни человека, лишение свободы, убийство, насилие

Уголовное наказание рассматривается как элемент социального обмена, в рамках которого оно применяется в ответ на преступление. В роли эквивалента при таком обмене выступает время жизни человека. В результате повышение благосостояния общества увеличивает предельную вредность уголовного наказания при его неизменном формальном значении, что стимулирует смягчение уголовных санкций. Замедление процесса дефляции уголовного наказания за насильственные преступления обусловлено уменьшением толерантности общества к насилию, что детерминировано развитием культуры. Изучена взаимосвязь применения лишения свободы и убийств. Установлено, что чем более экономически развитым является государство, тем в большей степени количество убийств коррелирует с численностью лишенных свободы. Большее число убийств свидетельствует о меньшей стоимости жизни человека в конкретной стране, что объясняет более частое применение лишения свободы.

SOCIAL WELFARE AND SEVERITY OF CRIMINAL PUNISHMENT**Oleg N. Bibik***Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia***Article info**

Received –

2019 April 15

Accepted –

2019 May 20

Available online –

2019 September 12

Keywords

Criminal punishment, social exchange, welfare of society, time of human life, imprisonment, murder, violence

The subject. The article is devoted to the correlation between the level of social welfare and the degree of criminal punishment's repressiveness.

The purpose of the article is to confirm or disprove hypothesis that improving the social welfare increases perceiving harmfulness of criminal punishment with its constant formal measure and stimulates the mitigation of criminal sanctions.

The methodology of the study includes general scientific methods (analysis, synthesis, description) and sociological approach.

The main results and scope of their application. The author proves that society is based on reciprocity, the expression of which is the exchange of certain actions between people. The application of criminal punishment in response to the committed crime can be considered as a special case of social exchange that occurs when the crime is committed. Since crime and punishment are included in the process of social exchange, an equivalent is needed to determine their relation. The equivalent in such an exchange is the time of a human's life. Time of human life as an equivalent in social exchange fits perfectly into the logic of development of modern society, culture of consumption. A person's life time is the time when person is able to consume. The reason for the choice of such a value guide is cultural stereotypes. Time is the most important factor in our due to modern cultural values, time plays a decisive role in the formation of the price of crime. The modern system of criminal justice is focused on taking into account the lost time of human life in the application of punishment.

Improving the social welfare increases perceiving harmfulness of criminal punishment with its constant formal measure, this process stimulates the mitigation of criminal sanctions. The slowdown in the deflation of criminal punishment for violent crimes is due to a decrease in the social tolerance to violence, which is determined by the development of culture.

Conclusions. The general direction of normal development of society is deflation of criminal punishment, its weakening. The change of living standards naturally affects the severity of criminal punishment and is inversely dependent on it – the higher the quality of life, the less the severity of punishment. The practice of deprivation of liberty is an example. The study of the relationship between the use of deprivation of liberty and murder showed that

the more economically developed the state, the more the number of murders correlated with the number of persons deprived of liberty. Although murderers are not the dominant group of prisoners, the more murders, the lower the cost of human life in a particular country, the more often deprivation of liberty is used in that country.

1. Уголовное наказание как элемент социального обмена

Человеческое общество основано на взаимности, суть которой сводится к принципу «ты – мне, я – тебе». Выражением взаимности является обмен между людьми определенными поступками, в том числе благами. Согласно теории социального обмена, социальное поведение есть взаимодействие в целях удовлетворения потребностей, подкрепляемое достижением наград и избеганием санкций, обмен деятельностью, приводящий к вознаграждению и издержкам [1, с. 85; 2, с. 322].

Применение уголовного наказания в ответ на совершенное преступление может рассматриваться как частный случай социального обмена. Понимание наказания как платы за преступление в рамках социального обмена неоднократно встречается в научных исследованиях. Например, наказание рассматривается как вознаграждение, которое виновный выплачивает каждому из сограждан за преступление, нанесшее ущерб всем им [3, с. 159]. Проводятся параллели между наказанием в уголовном праве и ценой в обороте [4, с. 358]. Преступление и наказание представляются либо как полное тождество, либо эквивалентный обмен одного на другой акт [5, с. 208, 224]. Если назначение наказания может рассматриваться как разновидность обмена, то это такая разновидность, при которой одна из сторон контролирует процесс путем назначения надлежащей цены [6, с. 131–132]. По мнению ученых, уголовное наказание есть обмен тем вредом, который причинил преступник, теми лишениями и ограничениями, которыми он должен за это «заплатить». В указанном смысле уголовное наказание выполняет ту же роль, что и деньги [7, с. 304–305].

Обмен наказания на преступление был исследован в так называемой «меновый» концепции права Е.Б. Пашуканиса. Указанный ученый полагал, что право возникает при наличии общения (коммуникации) отдельных обособленных субъектов, связанных при помощи эквивалентного обмена [8, с. 75, 89; 9, с. 40–41]. Преступление есть особая разновидность оборота, где меновое, т. е. договорное, отношение устанавливается после своевольного действия одной из сторон. Соответственно преступле-

ние обменивается на эквивалентный вред, причиняемый преступнику, – наказание [8, с. 160–161; 9, с. 43]. Г. Беккер так выразил особенность «договора», заключаемого при совершении преступления: «Те, кому придется нести наказание, – это должники по сделкам, на которые их “кредиторы” не давали своего согласия и которые отнюдь не были добровольными...» [10, с. 323].

2. Жизнь человека как эквивалент при обмене наказания на преступление

Поскольку преступление и наказание включены в процесс социального обмена, необходим эквивалент для определения их соотношения. В экономике роль эквивалента играют деньги, посредством которых оцениваются предметы обмена. При обмене наказания на преступление на роль эквивалента претендуют: 1) деньги; 2) время жизни человека.

П.А. Сорокин полагал, что кары и награды имеют тенденцию к шаблонизации. В результате вырабатывается единица обмена – таковой являются деньги. Вместе с тем они не смогли пока еще заменить собой все виды кар и наград [5, с. 225].

Анализируя систему наказаний, Е.Б. Пашуканис отмечал, что штраф предполагает денежную форму возмещения последствий, а лишение свободы на определенный срок бессознательно связано с представлением об абстрактном человеке и абстрактном человеческом труде, измеряемом временем. Но в итоге все преступления измеряются при помощи времени жизни человека, которое он потратит на то, чтобы отработать штраф или отбыть наказание в тюрьме [8, с. 172; 9, с. 44–45]. Н. Кристи, по-видимому, разделяет такой подход, заметив в отношении лишения свободы: «Мы позволяем, чтобы бедные расплачивались тем единственным благом, которое почти поровну распределено между членами общества, – временем» [6, с. 101–102]. Выводы Е.Б. Пашуканиса фактически были подтверждены в работе Г. Беккера, который полагал, что единственным редким ресурсом человека выступает ограниченное количество его времени [10, с. 33, 298].

Время жизни человека как эквивалент в социальном обмене вполне органично вписывается в логику развития современного общества, его культуры,

и прежде всего – культуры потребления. Время жизни человека – это время, в течение которого он сможет потреблять. Причина выбора такого ценностного ориентира – культурные стереотипы. Время – это наиболее существенный фактор нашей жизни с учетом современных культурных ценностей (отсюда выражения «живем один раз», «нужно успеть взять от жизни всё»), который играет определяющую роль при формировании цены преступления.

Современная система уголовной юстиции очевидно ориентирована на учет утраченного времени жизни человека при применении наказания (например, лишение свободы, фактически лишаящее человека части его жизни, штраф, лишаящий человека времени, потраченного на зарабатывание денежных средств, необходимых для исполнения наказания). Она нацеливает уголовную репрессию на время жизни человека как его главное богатство.

3. Качество жизни и уголовная репрессия

Экономисты установили, что рост доходов, связанный в первую очередь с ростом заработков, повышает относительную стоимость времени, времяземких потребительских благ [10, с. 197]. Учитывая, что время жизни человека является эквивалентом в современном обмене наказаний на преступления, отношение к риску лишиться этого блага также будет меняться по мере роста благосостояния общества. В результате предельная вредность наказания возрастет. Например, оценка срока лишения свободы тем больше, чем больше доход осужденного, который лишен возможности извлекать данный доход [10, с. 321].

Повышение благосостояния общества увеличивает предельную вредность, репрессивность уголовного наказания при его неизменном формальном значении, что стимулирует в конечном итоге смягчение уголовных санкций. Исторические данные подтверждают указанную закономерность.

Например, в древности и намного позднее смертная казнь была вполне обычным, относительно рядовым явлением, поскольку человек в те времена влачил жалкое существование и не ценил свою жизнь, как не ценили ее и окружающие люди, государство, общество. Поэтому не случайно, что, в частности, в России вплоть до XVI–XVII вв. смертная казнь широко применялась. И.Я. Фойницкий по этому поводу писал: «В смертной казни видели необходимую и нормальную меру текущего управления. К ней все привыкли: и законодатель, и судьи, гордившиеся большим количеством смертных приговоров, и даже сами осужденные, которые, по свидетельству многих писателей, спокойно шли на

эшафот...» [11, с. 130]. Она не была столь серьезным наказанием, как в наши дни [12, р. 1211]. В XXI в. мы наблюдаем кардинально другую картину представлений о допустимой репрессивности наказания, поскольку выросло качество жизни человека, ее цена.

Жизнь человека рассматривается через призму сегодняшнего уровня развития общества, в связи с чем ценится намного больше. Как следствие, в настоящее время в промышленно развитых странах мира (кроме США) смертная казнь не применяется. От данного наказания отказались и многие развивающиеся страны, включая Россию.

Есть факторы, которые объективно тормозят процесс дефляции уголовного наказания, связанного с насильственными преступлениями. Так, зарубежные ученые изучали эволюцию взглядов в судах присяжных Великобритании с конца XVIII в. и до начала XX в. В результате было установлено, что за указанный период восприятие насилия в обществе изменилось – люди стали менее толерантно относиться к насильственным преступлениям вследствие культурных и институциональных изменений. Этому процессу способствовало признание государства как субъекта, монопольно применяющего насилие [13]. Защита прав и свобод человека, получившая поддержку во многих правовых культурах, также сыграла в этом деле важную роль.

Одним из доказательств уменьшения в современном обществе толерантности к насилию служит исследование, проведенное в Японии: ученые зафиксировали одновременно снижение насильственной преступности, в том числе убийств, в период с 1980 по 2015 г. и рост панических настроений, доли тех, кто считает, что страна становится более опасной (с 50 до 85 %). Была выявлена такая тенденция в освещении СМИ совершенных убийств: чем реже убийства, тем больше сенсации. И в этой связи вполне закономерно в Японии при стабильном показателе числа убийств в 2004 г. произошло усиление уголовной ответственности за убийства приотягачущих обстоятельствах («чудовищные убийства») [14, с. 35–37, 43]. Очевидно, что, помимо влияния СМИ на общественное мнение, его изменения по отношению к убийствам продиктованы снижением толерантности общества к насилию.

Другим доказательством вышесказанному является проведенный в Японии в 1977, 1997 и 2015 гг. НИИ полиции Японии и Н.А. Морозовым социологический опрос об общественной оценке преступлений (всего опрос проводился в отношении 21 вида преступлений). Его результаты показывают, что об-

щественное мнение относительно преступлений, связанных с насильственным причинением смерти (разбой, повлекший смерть, взрыв, повлекший смерть), мало изменилось и даже имело тенденцию к незначительному повышению оценки их опасности. При этом позиция общественности относительно преступлений, не повлекших насильственную смерть, в большинстве случаев (в отношении 16 из 19 видов преступлений) изменилась в сторону уменьшения опасности соответствующих деяний (например, мошенничество с созданием фиктивных компаний, разглашение секретов предприятия, вскрытие секретных документов, проституция, адюльтер) [14, с. 270].

Еще одним примером может служить Франция, где ученые отмечают изменение характеристик типичного заключенного. Если в 1980 г. он, по всей вероятности, являлся вором, то в 2010 г. типичный заключенный, скорее всего, будет насильником, убийцей или наркоторговцем. При этом за отмеченный период количество преступлений с применением тяжкого насилия (*serious violence*) не изменилось и осталось очень низким. На этом фоне тем не менее была ужесточена ответственность за преступления с тяжким насилием [15, р. 114–115, 118]. Аналогичная ситуация складывается и в Швеции, где лишение свободы чаще всего применяется за преступления, связанные с наркотиками, насилием, а также преступления сексуального характера. Несмотря на то, что количество убийств и непредумышленных убийств несколько уменьшилось начиная с 1980-х гг., количество заключенных, приговоренных к пожизненному заключению, резко возросло [15, р. 34, 36]. В Германии отмечается повышенное внимание общества, СМИ к проблеме насильственных преступлений, а также преступлений сексуального характера. Осужденные за данные деяния чаще приговариваются к мерам, связанным с лишением свободы, и получают более длительные сроки заключения [15, р. 145].

В России среди заключенных также немалую часть составляют осужденные за убийство. В 2015 г. их доля в общем количестве заключенных составила 28 %, хотя в общем числе осужденных доля убийц составила в 2015 г. лишь 1,28 %¹. По данным ФСИН, в 2018 г. в исправительных колониях для взрослых находилось 460 923 чел., в том числе осужденных за незаконный оборот наркотиков – 129 419 чел. (28,1 %),

убийство – 91 130 чел. (19,8 %), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 46 167 чел. (10 %), изнасилование, насильственные действия сексуального характера – 21 465 чел. (4,7 %), кражу – 68 966 чел. (15 %), грабеж – 23 409 чел. (5,1 %), разбой – 29 547 чел. (6,4 %)². То есть более 40 % осужденных в исправительных колониях отбывают наказания за насильственные преступления, что существенно превышает количество осужденных за преступления, не связанные с насилием.

Ученые ищут причины такого числа осужденных за насильственные преступления в их уменьшенной латентности, изменении условий применения уголовных наказаний и других принудительных мер. Вместе с тем больше оснований полагать, что причиной является изменившаяся общественная оценка насилия. Требование справедливого наказания на современном этапе увязывается в общественном сознании с заботой о правах жертвы преступления [15, р. 50]. Это повышенное внимание к жертве преступления в области уголовной политики, которое Д. Гарланд назвал «возвращением жертвы» (*the return of the victim*) [16, р. 11]. Забота о жертве – это естественное проецирование ее судьбы на себя. Коль скоро человек больше начинает ценить свою жизнь и здоровье, он больше внимания начинает уделять и защите аналогичных благ, принадлежащих другим людям.

Таким образом, замедление процесса дефляции уголовного наказания за насильственные преступления обусловлено уменьшением толерантности общества к насилию, что детерминировано развитием культуры. Как правильно было отмечено, с одной стороны, уголовное наказание становится всё менее суровым, поскольку общество всё больше ужасается насилию, и жестокость вызывает чувство отвращения. Но с другой стороны, чем более отвратительными кажутся нам некие деяния, тем более легитимным представляется причинение боли тем, кто их совершает [15, р. 291].

Вместе с тем общий тренд нормального развития общества – это дефляция уголовной репрессии, ее ослабление. Изменение качества жизни закономерно отражается на уголовной репрессии и находится с ней в обратной зависимости – чем выше качество жизни, тем меньше применяется уголовная

¹ Статистика по осужденным. URL: <http://i-pso.ru/2016/04/05/299/> (дата обращения: 02.04.2019).

² Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. URL: <http://fsin.su/structure/>

inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/ (дата обращения: 02.04.2019).

репрессия. Наглядный пример – практика лишения свободы. Если проанализировать статистику применения данного наказания, то можно без труда заметить его преобладание в странах с более низким уровнем жизни. Кроме США, в первой сотне стран с наибольшим количеством заключенных нет ни одной страны из G7. Промышленно развитые страны Северной Америки и Европы преимущественно находятся в середине или в конце этого рейтинга³.

Причины, по которым США в этом рейтинге занимают первое место, кроются в действительной оценке жизни человека в данном обществе. Следует помнить, что в США закон допускает свободный оборот огнестрельного оружия, смертную казнь в целом ряде штатов. США активно участвуют в вооруженных конфликтах. В стране непропорционально для промышленно развитого государства высокий уровень убийств – 5,4 на 100 тыс. чел. в 2016 г. Для сравнения, следующей страной из «большой семерки» по этому показателю является Канада, где он составляет 1,7⁴. Всё это указывает на высокий уровень насилия, которое носит институциональный характер и, по-видимому, является частью американского менталитета, а также относительно невысокую стоимость жизни человека в обществе (по меркам промышленно развитых стран), что закономерно обнаруживается в широком применении лишения свободы. Если граждане охотно покупают огнестрельное оружие, значит, они готовы воспользоваться им, готовы убить человека. Эта готовность меняет систему ценностей, снижая стоимость жизни. То же самое происходит на войне, когда солдат, который берет в руки оружие, морально готовится стать убийцей, и именно война девальвирует ценность человеческой жизни, что открывает возможность для самых разных зверств. Именно по этой причине в США применение лишения свободы носит массовый характер.

4. Взаимосвязь убийств и динамики применения реального лишения свободы

Нами было проведено исследование статистики зарегистрированных убийств и количества лишенных свободы в расчете на 100 тыс. чел. на основе данных ООН⁵. Сравнивались данные по последнему

отчетному году, в котором присутствуют оба показателя во всех сравниваемых странах. Исследование продемонстрировало, что в наиболее экономически развитых странах динамика применения лишения свободы взаимосвязана с динамикой убийств.

Высокие показатели корреляции между данными показателями отмечаются в странах Европы. Были исследованы все страны данного региона (42 страны и территории) с учетом наличия данных за 2014 г. (табл. 1). Применялся корреляционный анализ при помощи метода наименьших квадратов. Факторным признаком выступило количество убийств на 100 тыс. чел., а резульативным признаком – количество лишенных свободы на 100 тыс. чел. Результаты следующие: линейный коэффициент корреляции 0,852; коэффициент детерминации – 0,7259; т. е. в 72,59 % случаев изменение количества убийств приводит к изменению количества лишенных свободы; средняя ошибка аппроксимации 30,04. Очевидно, предложенная модель нуждается в изменениях для оценки регрессии с учетом параметров ошибки. Вместе с тем она всё же подтверждает наличие корреляции между исследуемыми показателями, сила связи которых по шкале Чеддока оценивается как высокая. Безусловно, количество убийств не может непосредственно влиять на количество лишенных свободы, поскольку оно лишь отражает ценность человеческой жизни в конкретном обществе.

Таблица 1
Статистика зарегистрированных убийств
и количества лишенных свободы
в странах Европы в 2014 г.

№ п/п	Страна (территория)	Количество лишенных свободы, на 100 тыс. жителей	Количество жертв убийств, на 100 тыс. жителей
1	Беларусь	313,9	3,6
2	Болгария	109,0	1,6
3	Чехия	176,0	0,8
4	Венгрия	182,3	1,5
5	Польша	204,6	0,7
6	Молдова	179,8	3,2

³ Статистика о количестве заключенных по странам мира. URL: http://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison_population_rate?field_region_taxonomy_tid=All (дата обращения: 10.04.2019).

⁴ Статистика ООН о количестве убийств по странам мира. URL: <https://dataunodc.un.org/crime/intentional-homicide-victims> (дата обращения: 10.04.2019).

⁵ Статистика ООН о количестве заключенных по странам мира. URL: <https://dataunodc.un.org/crime/total-prison-population> (дата обращения: 10.04.2019); Статистика ООН о количестве убийств по странам мира.

Окончание табл. 1

№ п/п	Страна (территория)	Количество лишенных свободы, на 100 тыс. жителей	Количество жертв убийств, на 100 тыс. жителей
7	Румыния	151,0	1,5
8	Россия	467,2	11,3
9	Словакия	184,4	1,3
10	Дания	63,3	1,3
11	Эстония	230,1	3,1
12	Финляндия	57,7	1,6
13	Исландия	46,9	0,6
14	Ирландия	80,6	1,1
15	Латвия	235,4	3,2
16	Литва	291,6	5,4
17	Норвегия	79,8	0,6
18	Швеция	58,8	0,9
19	Великобритания (Англия и Уэльс)	108,3	0,9
20	Великобритания (Северная Ирландия)	145,8	0,9
21	Великобритания (Шотландия)	92,9	1,2
22	Албания	194,8	4,0
23	Босния и Герцеговина	79,2	1,4
24	Хорватия	88,4	0,8
25	Греция	104,7	0,9
26	Италия	91,9	0,8
27	Косово	101,8	2,3
28	Мальта	136,5	1,4
29	Черногория	178,9	3,2
30	Португалия	135,6	0,9
31	Сербия	115,8	1,4
32	Словения	73,5	0,8
33	Испания	139,8	0,7
34	Северная Македония	150,0	1,6
35	Австрия	100,7	0,5
36	Бельгия	104,9	1,9
37	Франция	103,2	1,2
38	Германия	77,6	0,9
39	Лихтенштейн	142,8	2,7
40	Люксембург	112,5	0,7
41	Нидерланды	70,7	0,7
42	Швейцария	79,2	0,5

Также были изучены аналогичные данные по другим группам стран, объединенных по географическому признаку, – страны Азии, Северной, Южной и Центральной Америки, Африки, Австралии и Океании. В указанных странах корреляция лишения свободы и убийств либо отсутствовала (линейный коэффициент корреляции отрицательный), либо отмеча-

лась на невысоком уровне (линейный коэффициент корреляции в пределах от 0,266 до 0,466). Также была исследована выборка из 200 стран мира (все страны, представленные в статистической информации ООН, в которых отмечается наличие двух сравниваемых показателей в одном отчетном году), в которой зафиксированы низкие показатели корреляции (линейный коэффициент корреляции 0,430; сила связи показателей по шкале Чеддока – умеренная).

При этом попытки применить экономический критерий дали совершенно другой результат. По такому показателю, как ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (по данным МВФ⁶), с учетом сведений о количестве убийств и лишенных свободы на 100 тыс. чел., в 2010 г. (указанный период был выбран по причине наличия наибольшего количества стран, данные о которых нашли отражение в статистике ООН), в выборке из первых 100 стран и территорий рейтинга МВФ (табл. 2) отмечается показатель корреляции – 0,404 (сила связи показателей по шкале Чеддока – умеренная), коэффициент детерминации – 0,1636; в выборке из первых 70 стран и территорий показатель корреляции – 0,409 (сила связи показателей по шкале Чеддока – умеренная), коэффициент детерминации – 0,1673; в выборке из первых 50 стран и территорий показатель корреляции – 0,565 (сила связи показателей по шкале Чеддока – заметная), коэффициент детерминации – 0,3195; наконец, в выборке из первых 20 стран и территорий рейтинга линейный коэффициент корреляции составил 0,805 (сила связи показателей по шкале Чеддока – высокая), коэффициент детерминации – 0,6475.

Таблица 2
Статистика зарегистрированных убийств и количества лишенных свободы в странах мира в 2010 г.

№ п/п	Страна (территория)	Количество жертв убийств, на 100 тыс. жителей	Количество лишенных свободы, на 100 тыс. жителей
1	Китай (Макао)	0,4	173
2	Люксембург	2	134,1
3	Бруней-Даруссалам	0,3	97,5
4	Сингапур	0,4	268,1
5	Кувейт	2	139,4
6	Норвегия	0,6	72,9

⁶ URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/index.aspx> (дата обращения: 10.04.2019).

Окончание табл. 2

№ п/п	Страна (территория)	Количество жертв убийств, на 100 тыс. жителей	Количество лишенных свободы, на 100 тыс. жителей
7	Швейцария	0,7	73,6
8	Соединенные Штаты Америки	4,8	738,4
9	Китай (Гонконг)	0,5	144,6
10	Нидерланды	0,9	86,1
11	Ирландия	1,1	93,3
12	Австрия	0,7	104,8
13	Швеция	1	72,9
14	Дания	0,8	71
15	Австралия	1	134,3
16	Германия	1	87,6
17	Бельгия	1,7	96,5
18	Бахрейн	0,9	88,6
19	Канада	1,6	115,6
20	Исландия	0,6	52,1
21	Финляндия	2,2	62,7
22	Китай (Тайвань)	0,8	282,7
23	Франция	1,3	96,1
24	Великобритания (Англия и Уэльс)	1,1	150,8
25	Великобритания (Северная Ирландия)	1,3	81,2
26	Великобритания (Шотландия)	1,9	149,3
27	Япония	0,4	56,8
28	Кипр	0,7	57,2
29	Италия	0,9	116
30	Пуэрто-Рико	27,4	293,1
31	Испания	0,9	158
32	Новая Зеландия	1	193
33	Ливия	3,1	214,6
34	Тринидад и Тобаго	35,6	277,9
35	Багамские острова	26,1	354,2
36	Израиль	2	271,9
37	Греция	1,5	107,9
38	Мальта	1	140,3
39	Словения	0,7	66,1
40	Чехия	1	207,9
41	Португалия	1,2	111,1
42	Словакия	1,5	185,6
43	Сент-Китс и Невис	40,8	548,2
44	Венгрия	1,4	164,5
45	Эстония	5,3	254,7
46	Польша	1,1	214,9
47	Антигуа и Барбуда	6,3	311,6
48	Литва	7	292,6
49	Малайзия	1,9	136,5
50	Казахстан	8,5	336,2
51	Сейшельские острова	9,8	472,6
52	Хорватия	1,4	119,3

№ п/п	Страна (территория)	Количество жертв убийств, на 100 тыс. жителей	Количество лишенных свободы, на 100 тыс. жителей
53	Чили	3,2	354
54	Латвия	3,3	320
55	Турция	4,2	166,2
56	Уругвай	6,1	257,8
57	Венесуэла	45,1	140,6
58	Румыния	2	138,2
59	Барбадос	11,1	325,5
60	Ливан	3,8	116,7
61	Азербайджан	2,3	243,2
62	Беларусь	4,2	418,3
63	Мексика	22	160,3
64	Болгария	2	126,7
65	Маврикий	2,6	196,2
66	Панама	12,6	344,3
67	Бразилия	22	261,2
68	Черногория	2,4	233,4
69	Таиланд	5,4	313,7
70	Мальдивы	1,6	227,7
71	Ботсвана	15	347,7
72	Сербия	1,4	124,2
73	Коста-Рика	11,6	231,9
74	Алжир	0,7	135,7
75	Ирак (Центральный Ирак)	9,7	94,9
76	Сент-Люсия	25,5	304,8
77	ЮАР	30,8	316,6
78	Северная Македония	2,1	121,5
79	Доминиканская Республика	25	209,6
80	Гренада	9,6	418,4
81	Колумбия	33,7	183,9
82	Доминика	21	412,9
83	Сент-Винсент и Гренадины	22,9	950,5
84	Парагвай	11,9	99,8
85	Босния и Герцеговина	1,5	73,7
86	Албания	4,3	158,4
87	Иордания	1,6	117,4
88	Китай	1	121,1
89	Эквадор	17,6	79
90	Намибия	14,4	195,6
91	Индонезия	0,4	48,6
92	Шри-Ланка	3,8	128,8
93	Косово	6	75,1
94	Украина	4,3	336,4
95	Монголия	8,8	273,6
96	Фиджи	2,3	127,6
97	Грузия	4,4	559,7
98	Марокко	1,4	200,2
99	Армения	1,9	178,7
100	Филиппины	9,5	101,8

То есть чем более экономически развитым является государство, тем больше убийства коррелируют с лишением свободы. И хотя убийцы не являются доминирующей группой заключенных, чем больше убийств, тем меньше стоимость жизни человека в конкретной стране, тем чаще в этой стране применяется лишение свободы. Страны (территории), в которых эти показатели слабо коррелируют, с высокой вероятностью испытывают экономические трудности с наращиванием объемов применения лишения свободы. В этом плане особенно показательны такие государства, как Бразилия, Доминика, Венесуэла, Колумбия, Намибия, ЮАР. Есть и обратные ситуации, когда количество заключенных существенно выше среднего показателя в соотношении с количеством убийств, что может указывать на возможные причины политического или культурного характера. В качестве примеров можно привести США, Сингапур, Китай (Тайвань, Макао).

5. Выводы

Применение уголовного наказания в ответ на совершенное преступление может рассматриваться как частный случай социального обмена, в рамках которого наказание предлагается взамен совершенного преступления.

Поскольку преступление и наказание включены в процесс социального обмена, необходим эквивалент для определения их соотношения. Современная система уголовных наказаний, очевидно, ориентирована на учет утраченного времени жизни человека при применении наказания. Она нацеливает уголовную репрессию на время жизни человека как его главное богатство.

Повышение благосостояния общества увеличивает предельную вредность, репрессивность уголовного наказания при его неизменном формальном значении, что стимулирует в конечном итоге смягчение уголовных санкций. Жизнь человека рассматривается через призму сегодняшнего уровня развития общества, в связи с чем ценится намного больше.

Изменение качества жизни закономерно отражается на уголовной репрессии и находится с ней в обратной зависимости – чем выше качество жизни, тем меньше применяется уголовная репрессия. Примером является применение лишения свободы, которое в экономически развитых странах коррелирует с количеством совершенных убийств. Количество убийств отражает реальную стоимость жизни человека в конкретном обществе. Поэтому чем больше убийств, тем меньше стоимость жизни человека в стране, тем чаще применяется лишение свободы.

Наблюдается замедление процесса дефляции уголовного наказания за насильственные преступления, что обусловлено уменьшением толерантности общества к насилию, что связано с культурным развитием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Култыгин В.П. Концепция социального обмена в современной социологии / В.П. Култыгин // Социологические исследования. – 1997. – № 5. – С. 85–99.
2. Ритцер Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 478 с.
4. Иеринг Р. Цель в праве / Р. Иеринг. – СПб., 1881. – Т. 1. – 425 с.
5. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / П.А. Сорокин. – М.: Астрель, 2006. – 624 с.
6. Кристи Н. Пределы наказания / Н. Кристи. – М.: Прогресс, 1985. – 176 с.
7. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия / А.Ф. Мицкевич. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 329 с.
8. Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства / Е.Б. Пашуканис. – М.: Наука, 1980. – 270 с.
9. Щитов Н.Г. Социолого-правовая теория наказания Е.Б. Пашуканиса / Н.Г. Щитов // Социологические исследования. – 2012. – № 3. – С. 39–49.
10. Беккер Г. Избранные труды по экономической теории / Г. Беккер. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003. – 672 с.
11. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И.Я. Фойницкий. – М.: Добросвет-2000: Городец, 2000. – 464 с.
12. Posner R.A. An Economic Theory of the Criminal Law / R.A. Posner // Columbia Law Review. – 1985. – Vol. 85. – № 6. – P. 1193–1231.

13. Klingenstein S. The civilizing process in London's Old Bailey / S. Klingenstein, T. Hitchcock, S. DeDeoa // *Psychological and cognitive sciences*. – 2014. – Vol. 111, № 26. – P. 9419–9424.
14. Морозов Н.А. Преступность в современной Японии: проблемы криминологической и уголовно-правовой политики: дис. ... д-ра юрид. наук / Н.А. Морозов. – М., 2016. – 430 с.
15. *Punishment in Europe: A Critical Anatomy of Penal Systems* / eds. V. Ruggiero, M. Ryan. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. – 304 p.
16. Garland D. *The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society* / D. Garland. – Chicago: University of Chicago Press, 2002. – 307 p.

REFERENCES

1. Kulygin V.P. The concept of social exchange in modern sociology. *Sociological researches*, 1997, no. 5, pp. 85–99. (In Russ.).
2. Ritzer J. *Modern sociological theories*. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 688 p. (In Russ.).
3. Foucault M. *Discipline and punish. The birth of the prison*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 478 p. (In Russ.).
4. Iering R. *The Purpose of the law*, Vol. 1. St. Petersburg, 1881. 425 p. (In Russ.).
5. Sorokin P.A. *Crime and punishment, feat and reward: the sociological etude about the main forms of public behavior and morality*. Moscow, Astrel' Publ., 2006. 624 p. (In Russ.).
6. Christy N. *Limits of punishment*. Moscow, Progress Publ., 1985. 176 p. (In Russ.).
7. Mitskevich A.F. *Criminal punishment: concept, purposes and mechanisms of action*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2005. 329 p. (In Russ.).
8. Pashukanis E.B. *Selected works on the General theory of law and state*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 270 p. (In Russ.).
9. Shchitov N.G. Sociological and legal theory of punishment. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*, 2012, no. 3, pp. 39–49. (In Russ.).
10. Becker G. *Selected works on economic theory*. Moscow, HSE Publ., 2003. 672 p. (In Russ.).
11. Foinitskii I.Ya. *The Doctrine of punishment in connection with turnover*. Moscow, Dobrosvet-2000 Publ., Gorodets Publ., 2000. 464 p. (In Russ.).
12. Posner R.A. An Economic Theory of the Criminal Law. *Columbia Law Review*, 1985, vol. 85, no. 6, pp. 1193–1231.
13. Klingenstein S., Hitchcock T., DeDeoa S. The civilizing process in London's Old Bailey. *Psychological and cognitive sciences*, 2014, vol. 111, no. 26, pp. 9419–9424.
14. Morozov N.A. *Crime in modern Japan: problems of criminological and criminal law policy*, Doct. Diss. Moscow, 2016. 430 p. (In Russ.).
15. Ruggiero V., Ryan M. (eds.). *Punishment in Europe: A Critical Anatomy of Penal Systems*. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2013. 304 p.
16. Garland D. *The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 2002. 307 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бибик Олег Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а e-mail: olegbibik@mail.ru SPIN-код: 2670-9299

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Oleg N. Bibik – Doctor of Law, Associate Professor; Professor, Department of Criminal law and Criminology Dostoevsky Omsk State University 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia e-mail: olegbibik@mail.ru RSCI SPIN-code: 2670-9299

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бибик О.Н. Благополучие общества и репрессивность уголовного наказания / О.Н. Бибик // Правоприменение. – 2019. – Т. 3, № 2. – С. 95–104. – DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).95-104.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bibik O.N. Social welfare and severity of criminal punishment. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 95–104. DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).95-104. (In Russ.).